

П. А. Вяземский

К. Н. Батюшков

(письмо к М. П. Погодину о найденных статьях Батюшкова: "Воспоминание мест, сражений и путешествий"¹ и "Воспоминание о Петине"²)

Вяземский П. А. Сочинения: В 2-х т. -- М.: Худож. лит., 1982. -- Т. 2. Литературно-критические статьи. Сост., подг. текста и коммент. М. И. Гиллельсона. 1982.

[OCR Бычков М. Н.](#)

Прилагаемые у сего отрывки, писанные Батюшковым, сохранились в собственноручном списке в бумагах покойного Д. В. Дашкова³, которому, вероятно, были они сообщены в свое время самим автором, тесно связанным с ним нежнейшею приязнью. -- Батюшков, как и мы все, тогдашние литературные современники, вполне доверял строгому и верному суду Дашкова и вкусу его, изощренному наукою и знанием древних и многих новейших языков и литератур. -- Есть ли или было ли продолжение этим воспоминаниям, неизвестно. Многие рукописи или сочинения Батюшкова были им самим преданы огню. Но и в отдельном виде своем предлагаемая статья составляет бесценное сокровище. Вся душа, весь характер, все дарование любезного поэта в ней ясно и живо отсвечиваются. Ныне, читая ее, переносишься в другую эпоху, светлую и свежую: с любовью сочувствуешь какому-то другому порядку мыслей, чувствований, изложения; вслушиваешься в другую, когда-то знакомую, но ныне забытую речь, звучную, мягкую, согретую сердечною теплотою и проникающую глубоким нравственным убеждением. Радостно встречаешь эту неожиданную находку, но с грустью сознаешься, что это уже старина. Тут все просто и стройно и все художественно. Как отрывок, эта статья, конечно, в глазах многих не будет иметь большой литературной важности. Но в глазах некоторых будет она, без сомнения, иметь прелесть какой-нибудь древней художественной безделки, открытой в глубине помпейской почвы, затопленной бурным и огненным потоком все поглотившей лавы. Это -- безделка, но она живая вывеска минувшей эпохи. В свое время была она обыкновенным выражением современного быта, домашнего, общественного и художественного; ныне она археологическая редкость. Так и эта статья имеет всю прелесть и важность предания и памятника. Желательно, чтобы она была молодым художникам и предметом беспристрастной оценки, обратного воззрения на искусство слова, и руководительным образцом. Во всяком случае, она освежит в памяти читателей имя Батюшкова, почти чуждое мимоидущему поколению. Ныне литературные понятия до такого неимоверного беспорядка смешаны и сбиты, что трудно и невозможно одними рассуждениями и опровержениями ложных правил, ошибочных мнений надеяться на восстановление истины. Нужно было бы целыми томами отвечать на полновесные томы лжелитературы или лжекритики. Лучшее средство отражать и обезоруживать господствующие заблуждения есть противопоставлять им живые факты, обличающие пристрастие или ошибочность недоброжелательных судей. Новое поколение знает о старой и средней литературе нашей из одних новых журналов. Эти журналы не имеют времени, а может быть, и охоты заняться полным и добросовестным изучением писателей не только уже отживших поколений, но даже и тех, которых память еще свежа, или писателей еще живущих, но имевших неосторожность родиться до появления этих журналов. Правду сказать, кое-где и кое-когда появляются и ныне обозрения деятельности прежних писателей. И то правда, что нельзя обвинять эти обозрения в краткости. Но при всей плодovitости своей и объемистой обстановке эти обозрения поверхностны. Критика наша не врезывается вглубь, а растягивается в ширину. Наша критика никогда не становится лицом к лицу разбираемого ею автора, не глядит ему прямо в глаза и в душу. У нее свои особенные приемы. Она не иначе приступает к делу, как предварительно построив для себя подмости и леса, род Вавилонского столпа, и с этой поддельной вершины, умозрительно теряясь в пустоте воздушных пространств, упускает, она из вида личность, значение, достоинства и недостатки подсудимого ей писателя. Она грешит не только в художественном отношении, но часто сбивается в отношении лиц, эпох, в отношениях прямо положительных и исторических. Где-то было сказано, например, что к *так называемому пушкинскому периоду* принадлежит Жуковский. Уж если подразделять литературу нашу на краткие и сбивчивые удельные периоды, то правильнее сказать, что Пушкин принадлежит к периоду Жуковского. Не Пушкин же дал движение Жуковскому, которого он застал уже в полноте сил и творчества. Справедливее сказать, что Жуковский подвинул Пушкина, которого дарование развилось и возросло под его влиянием. Нет сомнения, что в развитии дарования Пушкина отозвалось и влияние Батюшкова. Элегический стих Пушкина сродни стиху поэта, который первый с таким успехом и